

Так и так

Сказка

Well I'm standing by the river
But the water doesn't flow
It boils with every poison you can think of...¹

Крис Ри. «Дорога в ад»

Енот вышел на улицу и зажмурился от яркого солнечного света. «Доброе утро, Борис Николаевич », - произнесла из зарешеченного окошка старая консержка и обезобразила свое лицо несвойственной ей улыбкой.

- Да. Доброе.

- А машины Вашей еще нет.

- Я сегодня без машины.

Енот бодро зашагал по тротуару. Да, теперь придется привыкать обходиться без служебной машины. Придется рулить самому. Но сегодня лучше пройтись пешком, подышать весенним воздухом. Ах, какой день замечательный!

Енот остановился. Вообще-то он не знал, куда идти. Впервые за многие годы. «Это потому, что некуда, - подумал Енот. – Потому, что я теперь – пенсионер. А зачем идти куда-то, почему нельзя просто погулять, посмотреть на красивые дома, зеленеющие деревья, симпатичных людей?»

Многие люди узнавали Енота и почтительно приветствовали его, удивляясь встрече с ним в столь обыденной обстановке. «Ничего, скоро привыкнут. И я привыкну», - усмехнулся он.

¹« Я стою на берегу,
Только речка не течет:
Яду столько много в ней –
Она застыла». (Перевод автора)

Енот окинул взором современные здания из стекла и бетона, испещренные яркими вывесками дорогих магазинов. На противоположной стороне широкого проспекта красовались новый футбольный стадион, равных которому не было и в столице, и столь же новый, потрясающий своими размерами, православный храм. Да, как все-таки изменился город! Красавец! Правильно сказал кто-то из городской элиты: Хьюстон построили! А ведь был серый шахтерский город. И Бога не забыли.

Внимание Енота привлекли две девушки, которые рассматривали статую выдающегося революционера-большевика Артема, внесшего большой вклад в восстановление донбасских шахт после гражданской войны. Девушки шептались и хихикали. Енот хорошо понимал, почему им было так весело. Артем всегда был одной из главных достопримечательностей города. Если посмотреть на него с определенного места, то выступавший ниже пояса указательный палец имел полное сходство с половым членом. Член имел внушительные размеры, хотя и был в состоянии полупокоя, и походил на конский, когда тот только начинает возбуждаться. Удивительно, что этот оптический обман никак не портил Артема, а даже придавал ему еще более мужественный и решительный вид. Горожане любили его и вовсе не обижались на хихикающих приезжих. Более того, они сами выводили на нужный ракурс осмотра гостей горняцкой столицы.

«А не прокатиться ли мне на трамвае до родной окраины?» – подумал Енот, подходя к остановке 3-й марки. Народу в вагоне было немного. Енот сел у окошка, довольный тем, что никто не обратил на него внимания и не будет приставать с разговорами. Хотелось просто проехаться, посмотреть на старые места, побыть наедине со своими мыслями. Вспомнить. О том, как все начиналось...

Комсорг школы Ирочка Монастырецкая удивленно вскинула тонкие бровки на стоявшего перед ней Нотова. «Откуда у него это, - подумала она, - я думала, он только о птичках своих думает. А тут я обрисовала ему печальную картину с дисциплиной в его классе, и он сразу так уверенно произнес «Та-а -ак», как будто сейчас возьмется и все исправит. »

«Так что, Нотов, может, сделаем тебя комсоргом класса, и поможешь школе? Что ты на этот счет думаешь?» - поверив в свое комсомольское чутье, предложила она.

Нотов думал о птичках, ловлю которых придется завтра, по-видимому, отложить.

«Вот и славненько - завтра выберем тебя на комсомольском собрании», - убегая, закончила разговор Монастырецкая.

На следующее утро раздался пронзительный и долгий звонок в дверь. Он тут же повторился 4 раза, пока мама Нотова не открыла дверь. Человек непосвященный мог подумать, что что-то стряслось – соседей снизу, скажем, залили, и вот – тревога.

«Боря! Боря! Это Вадик за тобой, собирайся, а то в школу опоздаешь!» Нотов схватил портфель и рванул к двери. На пороге стоял Пузатый в белой рубашке и школьной папкой под мышкой. Волосы его были приглажены водой, чтобы не топорщились. На лице, как всегда, сияла радостная улыбка. С Пузатого можно было рисовать наглядное пособие к ленинским словам: «Учиться, учиться и еще раз учиться!»

Пузатым Вадика прозвали в школе за малый рост и худобу. Большим у Пузатого был только нос, от чего он был похож на зимородка. Это считалось смешным: давать кличку, противоположную внешности.

Весной Пузатый часто заходил за Енотом по дороге в школу. Делать это было не так уж удобно: Пузатый жил на Закопе и делал порядочный крюк. Поселок его находился на расстоянии одной трамвайной останки от Боссе – района, где находилась енотовская хрущевка. А с Боссе нужно было опять проходить (или ехать на трамвае) тот же путь обратно, потому как школа была совсем недалеко от Закопа.

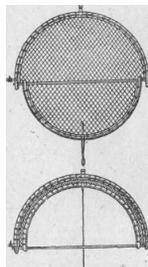
Закопом поселок назывался потому, наверное, что его каждый вечер «закапывали»: над ним высилась длинная – на несколько километров длиной гора шлака, который сливал металлургический завод. Зрелище слива было очень впечатляющим: шлак над Закопом (да и над Боссе) разливался всеми цветами радуги, освещая западную половину неба заревом, не уступающим северному сиянию. Енот и его друзья называли это величественное явление «закатом солнца вручную».

Большой крюк Пузатого не смущал, потому как в школу идти никто не собирался. Школа была из кирпича и никуда не девалась ни зимой, ни летом. А вот перелет чижей с щеглов длился недолго, и упустить это время было нельзя.

Обычно они шли домой к Пузатому вдоль трамвайной линии, по которой ходила 3-я марка. Дорога шла мимо парка через речку Бахмутку, которая вытекала из завода, на котором работал отец Енота. Так делали многие реки на Донбассе. В Бахмутке не водилось ничего живого, и даже брошенные в нее презервативы растворялись.

«Бахмутка впадает в Кальмиус, - начинал свою шутку Пузатый, - а есть еще река Миус, она – такая же, как Кальмиус, только без кала. Понял шутку?»

В доме Пузатого уже никого не было: родители были на работе. Портфели Енот и Пузатый забрасывали куда подальше, хватали сетку, клетки, верную ручную чижиху и устремлялись на окраину поселка, где были поле, огороды и посадка. Под большим деревом они растягивали сетку, насыпали вокруг семечек, ставили рядом маленькую клетку с чижихой и прятались за кусты, протянув туда веревку, привязанную к сетке. В кустах уже можно было расслабиться и выкурить по «приме».

Основой ловли был элементарный обман. Чижиха выступала в роли продажной предательницы родины, заманивавшей партизан в фашистскую западню. Как только она слышала пролетающих над ней птиц, она начинала призывно кричать. Наивные чижи и щеглы россыпью падали на дерево и рассаживались на ветках, поглядывая на чижиху. Затем они замечали семечки и начинали слетать на землю. Когда их накапливалось достаточно много, Пузатый или Енот тянул за веревку. Сетка переворачивалась и накрывала пернатую компанию.

Потом нужно было быстро пересаживать птиц в большую клетку и накрыть тряпкой, чтобы они не покалечили себя в панике. Когда клетка до отказа наполнялась мешаниной из желтых, коричневых, зеленых и красных перьев, птицеловы отправлялись на птичий рынок.

На рынке они быстро избавлялись от улова: несиженный щегол шел за 1,5 рубля, чиж – за рубль. Выручка иногда была крупной и составляла почти четверть месячного заработка мамы Енота – школьной учительницы. Статей же расхода было немного: проезд на трамвае в центр, поход в кино (предпочтительно на «Белое солнце пустыни» или фильм с Гойко Митичем), по тройной порции мороженого в кафе «Космос» и сигареты с фильтром. На обратном пути иногда покупалась бутылка биомидина, которая распивалась на берегу Бахмутки под песню «Сидели мы у речки у Вонючки, примерно так в 12-м часу, ты прижималась ко мне корявой грудью и пела, ковыряясь в носу...»

Жизнь была очень хорошая. Еноту запомнился вечер, когда они возвращались, шли по Закопу, смеялись, а Пузатый на ходу подбрасывал бутылку биомидина все выше и выше и, наконец – не поймал. Бутылка разбилась вдребезги, и друзья совсем зашлись от смеха.

«Слушай, Пузатый, тут какое дело, - сказал Енот, когда они зашли под арку, чтобы купить у бабок семечек,- мне сегодня обязательно в школу надо».

«Ты шо, какая школа, Енот, совсем оборзел, сегодня в школу обязательно не надо. Вон смотри - Валька пошла с 9А, говорят, она отдается за маленький стаканчик семечек».

«Вот ты уже купил - вперед, - усмехнулся Енот. – Не, я в натуре сегодня не могу. Там собрание будет»...

«А шо тебе то собрание? Пошли, не будь гондоном, я такой крюк сделал».

«Не могу, правда, извини, я слово дал», - быстро произнес Енот и устремился на трамвайную остановку.

В тот день единогласно его избрали комсоргом. Чему Пузатый дал краткую, но емкую оценку. «Во бля»», - сказал он.

Экий паренек оказался, этот твой Нотов, - удивлялась директриса школы Нина Петровна, - так смело за все берется. И успеваемость повысилась в классе, и посещаемость. Молодец!

Вряд ли, однако, улучшение показателей успеваемости произошло благодаря какой-то деятельности Енота. Они просто взяли и улучшились. Вот на посещаемость, возможно, он и повлиял, прекратив ловить птиц во время уроков.

«У комсомольской организации для тебя поручение, Нотов», - протараторила Монастырецкая, стоя перед разложенным на столе листом ватмана. «Та-а-к», - с готовностью протянул Енот. «Школе нужна интересная, острая стенгазета, поднимающая злободневные проблемы и вскрывающая недостатки. Будешь главным редактором».

«Та-а-к», - вновь произнес Енот, глядя на чистый лист и будто уже видя, какие статьи будут на нем размещены. На самом деле этот лист мог послужить точным фотоснимком его мыслей: их не было.

«За дело, Нотов! Уверена, что справишься».

Газета вышла точно такой же, как и раньше – неинтересной и неострой. Но удивительное дело: этого уже никто не замечал. А Енота отметили в положительную сторону.

Поручений становилось все больше. Каждый раз Енот уверенно отвечал: «Та-а-к». Каждый раз мало что делалось или менялось. Но руководство школы, обнадеженное его разгоняющимся вверх «та-а-ак», было заранее уверенным в успехе дела и переходило к

новым неотложным задачам. Когда же что-то менялось к лучшему само по себе, лавры доставались Еноту.

Его хвалили, а он лишь смущенно усмехался. Он догадывался, что его «так» имеет какой-то гипнотический эффект.

К выпуску Енот подошел с солидным опытом общественной работы. В горном институте, в который он поступил после школы, его сразу поставили на комсомольскую работу. Сменялись ответственные задания. Не сменялось лишь уверенное «так», с которым Енот брался за их исполнение. К концу учебы он уже был членом партии.

После здания цирка трамвай повернул налево. Началась длинная улица Ленина, тянувшая вдаль металлургического завода имени Ленина. Именно на этом заводе делали «закат солнца вручную». Вспомнив эти слова, Енот улыбнулся и подумал про Пузатого.

Пузатый приходил к Еноту один раз. Енот тогда работал в райкоме партии. К тому времени у него появилось второе «так» - для работы с людьми, в чем, собственно, и было главное предназначение партии. Это «так» тоже произносилось протяжно, но без крещендо, на одной ноте и более высоко. Это было «заинтересованное» «так». «Та-а-ак... », протягивал Енот, кладя перед собой очередное заявление от очередного трудящегося, и трудящийся в этом слове слышал все, что хотел услышать: что, мол, будем разбираться с вашим заявлением, очень это заявление правильное и т.д..

Вот таким образом и работал Енот, оперирую двумя «так» и неуклонно поднимаясь вверх по партийной лестнице. Правда, был еще один навык или, скорее, повадка, которой обзавелся Енот, подметив ее у какого-то своего партийного начальника: на совещаниях, сидя в президиуме или во главе стола, Енот, не переставая внимательно слушать выступавших, что-то быстро записывал на маленьких листах бумаги. Записав, тут же разрывал листок на мелкие кусочки и выбрасывал в урну. Это всегда производило на присутствовавших, особенно подчиненных или посторонних, большое впечатление.

Наверное, было что-то еще, ведь столько всего было сделано на различных руководящих должностях: выполнялись ответственные задания партии и правительства, была перестройка, идеологическая работа, даже мелиорация земель на каком-то этапе.

Конечно, было что-то и для себя, интимное. Для себя и верной помощницы – персонального секретаря Валентины, с которой был пройден большой трудовой путь. Со сладким чувством вспоминал Енот вечера, когда после напряженного рабочего дня Валечка заходила в кабинет с чаем, и пока она расставляла на столе посуду, он подходил к ней сзади, обнимал, пытаясь поместить в ладони хорошо знакомую и любимую грудь, и тихо говорил в аккуратное ушко с дорогой сережкой: «Та-ак...»

Было еще кое-что для исключительно личного использования: толстенная книжка, которая называлась «В мире птиц. Карманный атлас». Енот сохранил ее еще со школы. Он держал ее в ящике рабочего стола и, когда в кабинете никого не было, часто вытаскивал и

пролистывал. Он ее не читал - статьи он знал наизусть – а просматривал цветные рисунки птиц, которые нравились ему куда больше, чем фотографии в современных определителях. Закладку Енот держал на странице со статьей о щегле, на которого смотрел, когда нужно было отдохнуть от разнообразных партийных и советских забот.

Возможно, что было еще что-то. Но вряд ли. Было разгонное «та-а-ак» - и поднимались головы, расправлялись плечи, светлели взоры. Было человечно-заинтересованное «та-а-к» - и веселели лица, появлялась надежда, влажнели глаза просителей от трогательного к ним внимания.

В один из приемных дней ему на стол положили заявление. Енот поднял глаза на посетителя и увидел перед собой Пузатого. Тот стоял перед рабочим столом и, хлопая подведенными угольной пылью глазами, осматривал рабочий кабинет. Был он еще худее прежнего и еще больше походил на птичку. Осмотревшись по сторонам, он выразил ту же оценку, что и много лет назад, после комсомольского собрания: «Во бя. . .». Потом подошел к столу, взял заявление, засунул в карман и сказал: «Слышь, Енот, я в другой раз зайду».

О чем было заявление – Енот так и не узнал. Пузатый больше не приходил.

«Донбасс еще никто не ставил на колени!» Это заявление, сделанное из громадных стальных букв, дыбилося на холме перед домом культуры. Лучше всего на него было смотреть с расстояния 2-3 трамвайных остановок. «Еще стоит», - с удивлением подумал Енот. Подумал он, конечно, не о Донбассе, а о лозунге, который установили, когда он был инструктором райкома по идеологии, отвечавшим, в частности, за наглядную агитацию.

На круге 3-й марки мало что изменилось, только прибавилось торговых киосков. Под ногами привычно потрескивали лушпайки, в некоторых местах, в них можно было вступить по щиколотку. Семечки лузгали все по-прежнему, т.е. по страшной силе.

За трамвайным путем все еще стоял Ленин в кепке с рукой, протянутой в сторону гастронома. Это ленинское указание было предметом шуток, но в остальном – в отличие от Артема – памятник ничем не выделялся.

Через дорогу виднелись за высокой стеной серые корпуса машиностроительного завода имени 15-летия ВЛКСМУ, который до революции принадлежал тому самому французскому фабриканту Боссе, оставившему всему району – помимо собственного завода – свое имя. Слева от завода выстроились друг за дружкой 5-этажные хрущевки с обшарпанными подъездными дверями и заставленными всяким барахлом балконами, из

которых местами торчала арматура. «Да, не всюду пока дошли руки», - с грустью подумалось Еноту.

В первой хрущевке на третьем этаже жил Енот, когда учился в школе. Его балкон был виден с остановки. На нем Енот держал клетки с птицами. Улица, на которой стоял дом, называлась Обильная. Название тоже было идеологическим производением Енота. До переименования улица была Заводской, и никаких эмоций не вызывала. А так люди, впервые слышавшие новое название, всегда переспрашивали: «Какая-какая улица?»

«Пойду до Закопа пройду, трягну стариной», решил Енот и зашагал в гору вдоль Бахмутки (она, конечно, тоже никуда не делась и воняла). Вскоре его ожидал неприятный сюрприз: в парке культуры, куда он ходил с пацанами, стояла вода. Сгнившие деревья стояли черные и голые.

Взойдя на гору, Енот повернул направо – в поселок. Дорога здесь тоже осталась прежней – щебневой. Все было хорошо знакомо: дома за заборами, дворы с собаками. Хотя собаки, конечно, были уже незнакомые. «Так я и до Пузатого дойду» - усмехнулся Енот, предвкушая встречу.

«Не до всего руки дошли», - опять подумал он, оказавшись у порога родной школы. Правда, не совсем. Как раз порога-то не было: ступени перед дверью отсутствовали. В школу нужно было буквально залезать. «Инвалидов нужно втаскивать. Или вбрасывать», - как обычно позаботился о людях Енот и тут же вспомнил, что у них в классе (да и в школе) инвалидов не было. Был один еврей и один армянин. Их часто нужно было бить, но еврей всегда вовремя исчезал. Армянину было хуже: у него было больное сердце, и он быстро исчезать не мог.

Дверь была заперта - наверное, по причине каникул. Иссохшая и кривая, она плохо вписывалась в проем. Оконные рамы с облупившейся краской создавали с ней своеобразную гармонию. Енот вздохнул и зашагал дальше.

В отличие от школы, калитка Пузатого не изменилась: она всегда висела криво и была сильно обшарпанной. Енот протянул было руку к знакомой железной ручке на калитке, как та открылась, и из нее вышел Пузатый. Он улыбнулся и совсем обыденно, как будто и не было этих прошедших друг без друга десятилетий, сказал: «Привет, Енот. Пошли - поможешь».

Не дожидаясь ответа, он повернул за угол дома на улицу, которая вела на окраину поселка. Только сейчас Енот обратил внимание на то, что Пузатый был одет в шахтерскую робу. В руке он нес каску и коногонку.

Они вышли на поле. Над коричневыми кустами репейника взлетали в воздух белые ключья, смешиваясь с осенней паутиной. Енот сразу все понял, и у него екнуло сердце. Предчувствие подтвердилось, когда заросли запестрили желтыми перьями. Мелодично посвистывая, щеглы перелетали с куст на куст и усердно растрепывали плоды репейника,

добывая свой любимый корм. Приблизившись, Енот смог различать их круглые черные головы с красными щечками, светло-коричневые грудки, желтые лычки на перьях...

«Ты шо, Енот, щеглов не видел? Пошли уже», - окликнул Пузатый.

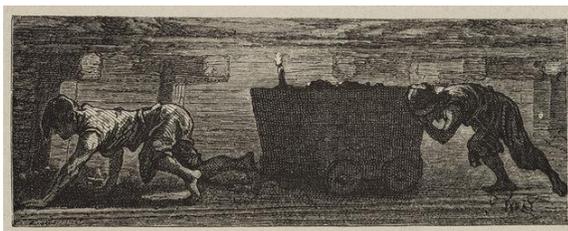
- А ты еще птичек держишь?

- Та не, какие птички. У меня коза сейчас. Вот заболела недавно. Окурков объелась, наверное. К ветеринару водил, тот витамины прописал. Сейчас получше стало. Опять стала бычки сшибать. Как мы в детстве. Помнишь?

«Нашел о чем вспоминать», - подумал Енот и содрогнулся. Он действительно, как и многие его сверстники, сшибал бычки, т.е. подбирал окурки и потом где-нибудь в укромном месте – парке или на стройке – докуривал их. С 1-го по 4-й классы. Лучшим местом для этого промысла была трамвайная остановка: там собиралось много народу, и когда подходил трамвай, мужики выбрасывали здоровые окурки. Около районной больницы тоже много было...

- Мы, вообще, куда идем?

- Та щас, тут недалеко. Ты мне поможешь маленько.

Начался пустырь. Травы и кустов здесь уже не было. Вокруг чернела схваченная утренним заморозком развороченная земля, покрытая буграми, в которых виднелись дыры.

- Здесь раньше разработки были. Потом все позакрывали. Но уголек остался. Вот мы с пацанами в этих норах его добываем. Немного, конечно, но топить хватает, еще и продать остается.

Они подошли к одной из нор. Енот присел на корточки и заглянул вовнутрь. Штольня была очень низкой, продвигаться по ней можно было только ползком. Потолок подпирался деревянными столбиками. Енот покачал головой.

- Опасно – обвалиться может.

- Оно правда, но холодно, и кушать хочется. Если бы не этот уголь... Ну, и коза...

Пузатый надел каску и наладил коногонку. «Ну, шо, Енот, полезли в нору?»

Енот снял шляпу и растерянно посмотрел на свой плащ от Барбура.

Пузатый рассмеялся. «Та ладно - я шучу. Ты мне только уголь помоги вытащить. Мы его в штольне уже на корыто погрузили. Ты давай иди вон на тот бугор, видишь, там колесо с ручками, а от него вот кабель этот. Я его к корыту привяжу, и мы его вытащим, как ведро из колодца. Понял? А я щас – мигом».

Пузатый лег на живот и изготовился ползти. «Хорошо, что с утра подморозило - не так грязно», - проворчал он и вполз в нору.

Енот взобрался на холм, который указал ему пузатый. Большое металлическое колесо было горизонтально насажено на торчащий из земли столб. На столб был намотан кабель, конец которого уходил в нору.

Солнце закрыли откуда-то взявшиеся тучи. Стало зябко, и Енот, пожившись, поднял воротник Барбура. Ветер кружил снежным порошком по замерзшим лужам. С бугра хорошо были видны Закоп с приземистыми домами и оголенными огородами, Бахмутка с черной водой, напоминавшей медленно текущий расплавленный свинец, заводские трубы, мартеповские печи и даже - вдали - хрущевка Енота.

Еноту стало очень грустно и от открывшегося перед ним безрадостного вида, и воспоминаний о школьном его детстве. Хороших воспоминаний не приходило.

«Ну, что ты, Нотов, сидишь, гав ловишь? Иди к доске». Это говорит ему Людмила Петровна – учительница математики и завуч школы. Нотов так никогда и не узнал, что такое «гавы», и как их можно было ловить. Но ему всегда было страшно, когда в класс входила Людмила Петровна. Всем было страшно. Все ловили «гав» и боялись - маленькие, большие, отличники, двоечники, русские, украинцы, армянин и еврей.

«Наверное, удав так спрашивает кролика: «Ну, что ты, кролик, сидишь, гав ловишь? Иди ко мне в рот. Страх перед известностью может быть хуже страха перед неизвестностью», - подумал Енот и сам подивился глубине этой своей мысли.

Пацаны идут в школу вдоль Бахмутки. На трамвай не сели – есть время еще покурить в посадке. Гена Лом вырывает страницы из общей тетради, спускает штаны и усаживается под ивой. Его прозвали Ломом за очень сильный удар правой. Удар был всего один, наносился с одной и той же позиции, но был совершенно сокрушительным. «Срать без куренья – что чай без варенья, - с довольным видом произносил он, - Енот, дай прикурить!»

Вот армянин держится за сердце. Ему только что Лом врубил хорошенько по корпусу, но он устоял, схватился за грудь. Губы посинели, дрожат.

«Господи, прости меня грешного», - неожиданно для самого себя прошептал Енот. «Хотя чему удивляться? - продолжил он свои мысли, - Религии я никогда не был чужд: по партийной линии в свое время отвечал за работу с церковью, в новое время всячески помогали храм восстанавливать. И городское руководство с семьями быстро к вере приобщилось, на все церковные праздники с Кирюшей в храм ходим ».

Ход мысли прервало карканье вороны, которая, должно быть, приняла задумчивого Енота за очередной памятник горняку и нагло уселась на колесо. С удивлением Енот заметил, что стало смеркаться. Холодный ветер поддувал под Барбур. Пальцы ног почти не ощущались. «Говно плащ, - подумал Енот, - и ботинки тоже, макеевские раньше были куда лучше». И вдруг спохватился: а где Пузатый?

С нехорошим предчувствием он поспешил к норе. Опустился на четвереньки, заглянул вовнутрь - никого. «Пузатый! Пузатый! Ты где? Давай вылезай! – кричал Енот и не получал ответа.

Оставалось одно – лезть в нору. Енот лег на живот и принялся ползти, придерживаясь кабеля, уходившего вглубь штольни.

Глаза Енота вскоре привыкли к темноте и стали различать стенки штольни и деревянные подпорки. Кабель закончился возле корыта, наполненного углем. Енот еще несколько раз позвал Пузатого, подождал, не мигнет ли в темноте огонек коногонки.

«Ну, Пузатый, козел, не может без своих шуточек, - выругался Енот, - смотался потихоньку, пока я там медитировал».

Кряхтя и матерясь, он с трудом развернулся и пополз обратно.

«Нет, сейчас приду – накостыляю ему как следует, - пыхтел Енот, крутя педали скрипучего велосипеда. – Хорошо, хоть лайбу свою оставил – все не пешком».

Калитка была заперта. Енот постучал. Открыла невысокая бабка в фуфайке и бурках.

«Добрый вечер! – поприветствовал Енот бабку, которая внимательно всматривалась в его лицо. – Простите, а Вадик дома?»

«Кто? – воскликнула хозяйка и тут же улыбнулась, сверкнув металлическими зубами, - а, это Вы, извиняюсь, сразу не узнала. Проходите, пожалуйста».

Знакомый коридор, отгороженный от кухни цветастой занавеской. Здесь они с Пузатым бросали свои портфели. Занавеска зашевелилась, и из-под нее появилась козья морда.

- Проходите, не бойтесь! Это – наша Маня, она добрая.

Кухня тоже не изменилась: тот же стол с выдвигаемыми ящиками, обитый клеенкой, угольная печь с двумя конфорками. Новым была лишь детская вольерка, в которой лежал козленок.

«Вы присаживайтесь, Борис Николаевич, покурите, пока я чай согрею». Хозяйка загроюкала чайником на плите.

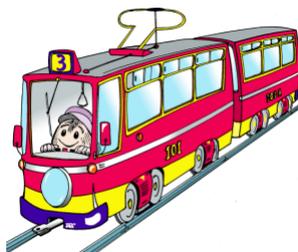
«А Вы – жена Вадика?» – спросил Енот, косясь на козу, которая стояла перед ним, неотрывно глядя ему в глаза.

«Да, была жена, теперь вдова. А Вы и не знали, что Вадика больше нет? Вот уже скоро 10 лет. Водка. И сердце. Все уголь на старой разработке с друзьями ковырял. Он про Вас много рассказывал, как вы в детстве птичек ловили. А что Вы не курите? Курите - Вадик всегда после работы курил, пока я еду разогревала. Курите. Окурки только в пепельницу бросайте, в ведро не надо, а то Маня сожрет, а ветеринар сказал, что ей больше нельзя».

Еноту стало не по себе. Ладонью он вытер выступивший на лбу пот. Коза подошла поближе и потерлась лбом о его колено. «Курите, курите! – произнесла она хриплым голосом.

Комната покачнулась перед глазами Енота. Ему стало тошно. Чтобы не упасть, он вцепился в край стола и зажмурился. Когда приступ тошноты прошел, он открыл глаза.

- Я, извините, должен идти. Срочно. До свидания.

Он даже не заметил, как дошел до круга 3-й марки. Народ толпился на остановке в ожидании трамвая, расплевывая лушпайки. У киоска группа мужчин пила пиво, громко обсуждая последнюю игру Шахтера. Еноту захотелось быть поближе к людям, послушать нормальную человеческую беседу – лишь бы не думать о том, что произошло в Закопе.

«Ты, Толя, конечно, прав, бразильцев хороших набрали, атаковать они умеют, с мячом работают технично, но, защиты, защиты, понимаешь, вообще нет, никакой! – высказывал свое мнение один из собеседников.

«Да, - согласился другой, который, наверное, был Толей, - защита у нас – ни в пизду, ни в Красную армию. Только хорват еще с умом играет».

«Ну, я тебе за шо – нету защиты. Ладно, хлопцы, вон трамвай подходит, мне пора, бывайте».

Поток людей увлек с собой Енота и вынес к краю платформы.

«Ты чего, свинья, до меня тулишься? – услышал он возмущенный мужской голос сзади. – Вывалялся в грязи, а теперь на трамвае ехать хочет! А ну, пшел вон отсюда!»

Толчок в спину был сильный. Чтобы не упасть, Енот схватился за чье-то плечо и постарался отпрыгнуть от приближающегося трамвая. Он почувствовал, как ноги его заскользили по лушпайкам, замешанным на жидкой грязи, и поехали вперед.

Он слышал крик. Он видел широко раскрывшиеся глаза вагоновожатой. Он сидел в грязи, опершись на руки, и ему было странно, что он не может встать. «Что они так кричат? – подумал он. - Грязь какая липкая». Затем он увидел свои ноги. Их отделяли от него трамвайные рельсы. «Этого не может быть. Это – не мои ноги, я не чувствую боли. Это вообще как анекдот: «Ну что, жопа, сходила за молоком?»».

Надо что-то делать. Надо разобраться. Упираясь руками в землю и стараясь не завалиться на спину, Енот еще раз внимательно посмотрел на ноги. «Та-а-к», произнес он хриплым голосом и погрузился во мрак.

Сначала ему показалось, что он опять в штольне, и что вот-вот, где-нибудь впереди, блеснет огонек коногонки Пузатого. Затем штольня вытянулась в высоту и стала похожа на туннель. «Да-да, вот именно - туннель, - подумалось Еноту, - я о таком читал, после клинической смерти люди рассказывали о таком туннеле, который открывался перед ними. Но они не доходили до конца: их «вытаскивали» врачи. Но в конце должно быть что-то, или – кто-то? »

«Отче наш, иже еси на небесех, - вспомнилось Еноту, - отче наш, иже еси – как там дальше? Да святится имя твое, да, да... Как же дальше? Темно. Но что – там? Что я увижу? Или услышу? »

Енот вдруг понял, что именно он услышит. Он уже слышал первый звук и хотел остановить его. «Нет-нет-нет, - запротестовал он, - не надо, не... да святится имя твое...» - но уже было поздно, он уже слышал – издалека, из потемок – протяжное и монотонное: «Та-а-ак»...

Дверь в спальню приотворилась, и из-нее появилась веселое ребячье личико. «А дедушка еще спит», - прошептал мальчик и на цыпочках зашел в комнату. Он приблизился к кровати и посмотрел на большое морщинистое лицо. Затем улыбнулся, нажал указательным пальчиком на дедушкин крупный нос и произнес: «Би-бип». Дедушка не проснулся. Мальчик не осмеливался более его будить и присел на край кровати. Рядом с дедушкой он увидел небольшую книжку. Страница, на которой была раскрыта книжка, изображала красивую разноцветную птичку. Мальчик взял книжку и, беззвучно шевеля губами, прочел:

Щегол

Пестрая, веселая, разговорчивая птичка этот наш щегол. Природа, не скупясь, одарила его красками. И самочка щегла тоже пестро окрашена, только оперение птенцов постroje – они коричневатые, но без черного и красного цвета, как родители. Щеглов все знают, хотя бы по картинкам, на которых их рисуют сидящими на чертополохе. Однако щеглы любят и семена коровяка, березы и ольхи. Поэтому чаще всего их можно встретить на заброшенных полях, среди зарослей сорняков и ольхи. Здесь у них всегда полно работы. Щегол перелетает с место на место, скачет, собирает семена и при этом весело распевает. Самочка сама вьет аккуратное гнездышко где-нибудь в кронах лиственных деревьев, высоко над землей. В мае там лежат 4-5 зеленовато-белых пятнистых яичек. Птенцов щеглы выводят дважды в год. Щеглы любят собираться маленькими стайками и вместе летать. Их веселый характер и красивая расцветка приносят им одни неприятности - люди любят их содержать в клетках. Но вы никогда этого не делаете.

Конец

Приложение-словарь

Шо - что

До - к. Например: «Шо ты тулишь горбатого до стенки?»

Марка - номер маршрута общественного транспорта. Например: 3-я марка трамвая.

Бычок - окурок. Например: сшибать бычки – подбирать окурки (обычно с целью их докуривания)

Лушпайки - шелуха от семечек

Биомицин – от украинского названия вина «Біле міцне» (белое крепкое)

Штольня - горная выработка, имеющая выход на земную поверхность и обычно предназначенная для добычи полезных ископаемых

Коногонка – шахтерский фонарь

Лайба - велосипед

